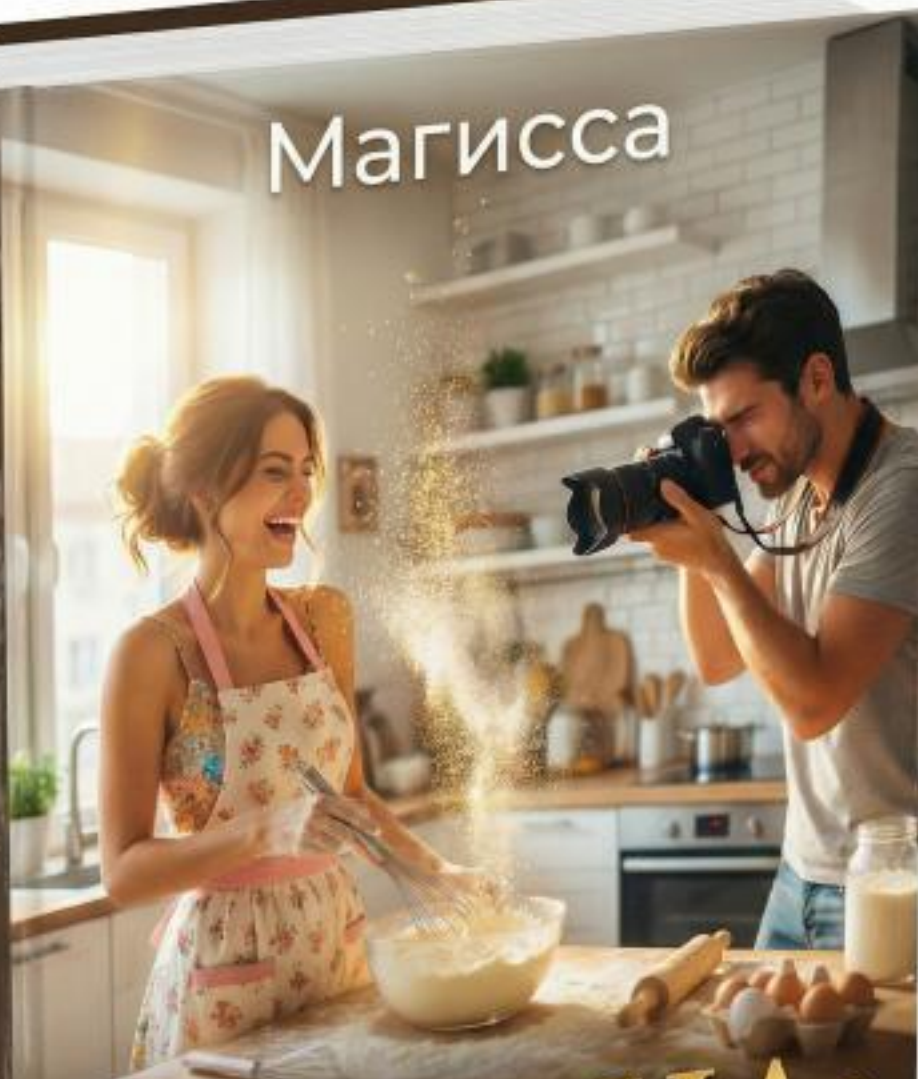

Магисса

Магисса

Измена: Рецепт Местни со Вкусом Бисквита

ИЗМЕНА:
РЕЦЕПТ МЕСТИ
со Вкусом Бисквита

Магисса –

**Измена: Рецепт Мести
со Вкусом Бисквита**

«Литнет»

2025

– М.

Измена: Рецепт Мести со Вкусом Бисквита / М. – — «Литнет»,
2025

Я толкнула дверь. Мир рухнул. Не сразу, сначала он просто треснул, как тонкое стекло под ударом. На нашей кровати, на смятых простынях, которые я меняла только вчера утром, был Дима. И она. Изольда Марковна Цветаева. Моя начальница. Владелица «Марципана». Женщина, которая была старше его почти на двадцать лет. – Я... я все объясню, Есенька, клянусь... – забормотал Дима. – Заткнись, – голос прозвучал хрипло, чужеродно. Я сделала шаг вперед, остановившись на пороге спальни, ставшей вдруг чужой и грязной. Я смотрела на них двоих, и внутри что-то окончательно обломилось, умерло. – Вон, – повторила я, уже тверже, ледяным тоном, от которого сама удивилась. Указала пальцем на дверь. – Оба. Из моей кровати. Из моей квартиры. И из моей жизни. Я посмотрела прямо в глаза Изольде Марковне, чувствуя, как зарождается не только боль, но и жгучее желание стереть эту самодовольную ухмылку с ее лица ударом кулака.

Содержание

Пролог	5
Глава 1: Утро после	7
Глава 2: "Марципан"	9
Глава 3: Отказ от "хорошего" развода	11
Глава 4: Подруга спешит на помощь	13
Глава 5: Коммунальный фронт	16
Глава 6: Попытка примирения	18
Глава 7: Месть на рабочем месте	20
Глава 8: Маленький Шпион с Большими Ушами	22
Глава 9: Абонент снова врёт (и недоступен для совести)	24
Глава 10: Коктейль и новое знакомство	26
Глава 11: Решиться или не решиться?	28
Глава 12: Чизкейк на двоих, или Осторожно, возможны чувства!	30
Глава 13: Улыбка на миллион	32
Глава 14: Знакомьтесь, мой муж!	34
Глава 15: Тигррррр у чужой двери	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пролог

Щелчок замка – привычный, родной звук. Непривычно было слышать его так рано, в самый разгар рабочего дня.

Но сегодня случилось чудо: я закончила огромный свадебный заказ в «Марципане» на несколько часов раньше срока. И вот я здесь, предвкушая незапланированный отдых. Руки гудели от усталости, в носу все еще щекотал призрак ванили и шоколада, а в сумке лежал маленький эклер – награда для себя любимой.

Мечтала только об одном: рухнуть на диван с чашкой чая до того, как начнется вечерняя суета и нужно будет забирать Мишку от мамы. Несколько часов тишины. Драгоценные часы.

Квартира встретила меня непривычной гулкой тишиной, приправленной странным привкусом.

Обычно, если Дима оказывался дома днем, фоном бубнил телевизор или стучала клавиатура. Но сегодня стояла странная тишина, но с ощущением какого-то присутствия.

Странно. Я скинула туфли, потерла ноющие ступни и прошла в коридор.

И тут заметила их. У самой двери, небрежно сброшенные на коврик – остроносые лаковые лодочки на высоченной шпильке. Цвет – вызывающе-красный. Точно не мои.

Холодок неприятно кольнул под ложечкой. Чья это обувь? Дима ждал гостей? Почему не предупредил? Из глубины квартиры, из нашей спальни, донесся какой-то звук. Приглушенный смехок, потом – тихий женский голос, незнакомый в этих стенах, но до боли знакомый по работе. Сердце споткнулось и заколотилось где-то в горле. Нет. Не может быть. Показалось.

Дверь в спальню была приоткрыта. Всего на ладонь, но этого было достаточно. Я замерла, боясь дышать. Страх, липкий и холодный, пополз по спине. Нужно было развернуться, уйти, сделать вид, что ничего не видела, не слышала. Но ноги сами, как ватные, понесли меня вперед.

Я толкнула дверь.

Мир рухнул. Не сразу, сначала он просто треснул, как тонкое стекло под ударом. На нашей кровати, на смятых простынях, которые я меняла только вчера утром, был Дима. И она.

Изольда Марковна Цветаева. Моя начальница. Владелица «Марципана». Женщина, которая была старше его почти на двадцать лет.

Ее платиновые волосы разметались по подушке, макияж слегка размазался, обнаженное плечо с родинкой, которую я видела сотни раз над строгим воротником блузки...

Дима лежал спиной ко мне, но обернулся на скрип двери. Его глаза расширились от ужаса, рот приоткрылся в немом крике. Изольда же, после мгновения паники, медленно села, лениво прикрывая грудь шелковым халатом, который явно принадлежал мне. На ее лице не было страха, только досада и холодная, оценивающая насмешка. Будто я была не женой, заставшей мужа с любовницей, а надоедливой мухой, влетевшей не вовремя.

- Еся... Я... Это не то, что ты думаешь! – пролепетал Дима, судорожно натягивая одеяло повыше, словно оно могло скрыть его предательство. Голос его дрожал.

Не то, что я думаю? А что тут думать? Картинка была яснее некуда. Мой муж. Моя начальница. Моя кровать. В голове гудело, перед глазами все плыло. Запах ее тяжелых, удушливых духов смешался с интимным запахом их близости, и к горлу подкатила тошнота.

Горький, едкий вкус – вкус измены – обжег язык. Восемь лет брака, наш Мишка, общие мечты, планы... все это сейчас казалось фальшивкой, дешевой декорацией к этому омерзительному спектаклю.

Эклер в сумке вдруг показался нелепым и жалким. Награда для себя любимой. Какая ирония.

Сумка выпала из моих ослабевших пальцев, эклер шлепнулся на паркет, оставляя кремовый след. Звук вернул меня к реальности. Холодная, звенящая ярость начала вытеснять

шок и боль. Я посмотрела на Диму, на его жалкое, испуганное лицо, потом перевела взгляд на Изольду Марковну, которая уже почти оправилась и смотрела на меня с плохо скрываемым превосходством.

- Я... я все объясню, Есенька, клянусь... – снова забормотал Дима.

- Заткнись, – голос прозвучал хрипло, чужеродно. Я сделала шаг вперед, остановившись на пороге спальни, ставшей вдруг чужой и грязной. Я смотрела на них двоих, и внутри что-то окончательно обломилось, умерло.

- Вон, – повторила я, уже тверже, ледяным тоном, от которого сама удивилась. Указала пальцем на дверь. - Оба. Из моей кровати. Из моей квартиры. И из моей жизни.

Я посмотрела прямо в глаза Изольде Марковне, чувствуя, как зарождается не только боль, но и жгучее желание стереть эту самодовольную ухмылку с ее лица ударом кулака.

«Кажется, мне придется искать новую работу».

Дима вскочил, пытаясь что-то сказать, но я уже развернулась. Слезы жгли глаза, но я не собиралась плакать перед ними. Не сейчас.

А сейчас я думала над новым рецептом. Рецепт мести. И рецепт этой мести будет подан холодным. Возможно, со вкусом бисквита.

Глава 1: Утро после

Жесткий шов диванной подушки впился в щеку. Я открыла глаза, и тусклый утренний свет, пробивающийся сквозь щель в шторах, резанул по ним. Голова гудела, тело ломило от неудобной позы. Где я? Ах да. На диване в гостиной. Не в нашей спальне.

Никогда больше – в нашей спальне.

Вчерашний день обрушился на меня ледяным душем, смывая остатки сна. Картинка – четкая, безжалостная, выжженная на сетчатке: Дима, Изольда Марковна, наша кровать, ее самодовольная ухмылка, его испуганное лицо.

Горький вкус измены снова обжег горло, к нему примешался привкус вчерашней дешевой водки, которой я пыталась заглушить боль, когда они наконец убрались. Не помогло.

Я села, стянув плед, которым укрылась ночью. На полу виднелось расплывчатое пятно – остатки эклера, моей так и не состоявшейся «награды». Я не стала убирать. Пусть смотрит.

Квартира, еще недавно бывшая моей крепостью, казалась враждебной и чужой. Каждый угол кричал о предательстве. Воздух был спертый, пропитанным вчерашним скандалом и запахом ее удушливых духов, который, казалось, въелся в стены. Я поежилась, хотя холодно не было.

Нужно было забрать Мишку от мамы, но сначала... сначала нужно было пережить это утро.

Стараясь не шуметь, хотя какое это теперь имело значение, я прошла на кухню. На автомате достала турку, насыпала кофе. И тут услышала шаги за спиной. Я замерла, не оборачиваясь. Знала, кто это.

Он вошел на кухню – помятый, с красными от недосыпа или стыда глазами, в той же футболке, в которой был вчера. Он всегда выглядел таким домашним, таким моим в этой футболке. Теперь она вызывала только тошноту. Он остановился у дверного косяка, не решаясь подойти ближе.

Тишина звенела, густая и тяжелая. Только вода начинала тихо шипеть в турке.

– Еся... – голос у него был хриплым, неуверенным. – Доброе утро...

Я молча поставила турку на огонь, не глядя на него.

– Есь, ну пожалуйста, давай поговорим, – он сделал шаг вперед. – Ты вчера так ушла...

Я резко обернулась. Мой взгляд, должно быть, был как лед.

– Поговорим? О чем, Дима? О том, как удачно я вернулась пораньше? Или о том, как тебе спалось в нашей кровати после...?

Он вздрогнул и отвел глаза.

– Еся, я... Это была ошибка. Страшная ошибка. Бес попутал, честное слово! Я сам не понимаю, как так вышло...

Я криво усмехнулась. Хотелось швырнуть в него чем-нибудь тяжелым.

– Бес попутал? Seriously? Это лучшее, что ты придумал за ночь?

– Но это правда! Она... Изольда... она сама... Понимаешь, на работе все сложно, и тут она, такая коварная, хитрая... – он замаялся, понимая, как жалко это звучит.

– Ах, вот как? Бедная овечка Дима, у которого на работе все сложно и которого МОЯ коварная начальница силком затащила в постель? В твою собственную постель, в твоей квартире? Ты меня за идиотку держишь?! – мой голос начал срываться. – Как давно это длится, Дима? Отвечай!

Он молчал, виновато глядя в пол.

– Это... это неважно. Это ничего не значило, клянусь! Я люблю только тебя! Тебя и Мишку! Ты же знаешь!

Он попытался подойти, протянул руку, чтобы коснуться моего плеча.

– Не трогай меня! – я отшатнулась, как от прокаженного. – Не смей ко мне прикасаться! Любишь? Ты хоть понимаешь значение этого слова?! Ты притащил эту... эту старуху в наш дом! К ребенку почти привел! О чем ты думал?!

– Я не думал! – выпалил он. – Я просто... запутался! Ты сама в последнее время была какая-то... далекая. Вечно уставшая, работа эта твоя...

– Ах, это я виновата?! – ярость захлестнула меня. – Я виновата, что пашу как проклятая, в том числе и у твоей драгоценной Изольды, чтобы у нас все было?! Чтобы Мишка ни в чем не нуждался?! А ты в это время имел ее в нашей постели?! Как ты мог, Дима?! Восемь лет! Восемь лет ты врал мне в лицо?

Слезы все-таки брызнули из глаз, горячие, злые.

– Есенька, прости, умоляю, прости! Я все исправлю! Я поговорю с ней, все закончу! Только не рушь семью! Подумай о Мише!

– О Мише?! – я почти закричала. – Ты подумал о Мише вчера, когда кувыркался с ней?! Ты о нем подумал?! Поздно думать о Мише, Дима! Поздно!

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь унять дрожь во всем теле. Боль смешивалась с ледяной решимостью. Я посмотрела ему прямо в глаза – жалкие, бегающие глаза предателя.

– Я подаю на развод, – сказала я тихо, но твердо. Каждое слово – как удар молотка.

Он замер. Лицо его вытянулось, неверие сменилось паникой.

– Что?.. Нет! Еся, ты не можешь! Не делай этого! Это же... это же просто глупость была! Мимолетная! Мы же семья!

– Мы были семьей, – отрезала я. Голос звучал чужим, безжизненным. – До вчерашнего дня. Все кончено, Дима. Я не буду так жить. С тобой – не буду.

Тяжелое, оглушающее молчание повисло между нами. Точка невозврата была пройдена. Я отвернулась, больше не в силах видеть его лицо. Схватила ключи со столика в коридоре, сумку.

– Куда ты? – растерянно спросил он мне в спину.

– За сыном, – бросила я через плечо, уже открывая входную дверь. – А потом... потом решим, как делить твой «запутанный» мир.

Я выскочила на лестничную клетку, захлопнув за собой дверь. Сердце колотилось так, что отдавало в висках. Развод. Это только начало. И мне еще идти на работу. К этой старой шлюхе. Господи, дай мне сил.

Глава 2: "Марципан"

Новое утро встретило меня не только жестким швом дивана, но и тупой головной болью. Возвращение вчера вечером, после того как я забрала Мишку от мамы, было пыткой. Дима ходил за мной тенью, бормотал извинения и клятвы, пока я, игнорируя его, укладывала сына в детской и запиралась там же.

Заявила, что пока он не найдет себе другое место для ночлега, спальня – его территория, а я буду с ребенком. Пусть наслаждается простором нашей оскверненной кровати в одиночестве. Или не в одиночестве – кто его знает?

Сейчас нужно было встать и идти. Идти на работу. К ней. К Изольде Марковне Цветаевой, моей начальнице и любовнице моего пока еще мужа. Сама мысль вызывала приступ дурноты. Как смотреть ей в глаза? Как выполнять ее указания, зная, что ее руки еще вчера... Лучше не думать.

Я выбрала самую строгую блузку и юбку-карандаш. Максимум официальности, минимум женственности. Собрала волосы в тугий пучок, чтобы ни один локон не выбился и не выдал моего внутреннего хаоса. Тщательно замазала консилером темные круги под глазами – следы бессонной ночи и слез.

В зеркале на меня смотрела бледная, уставшая женщина с решительно сжатыми губами. Броня. Непробиваемая броня кондитера Иволгиной. Посмотрим, надолго ли ее хватит.

«Марципан» встретил меня привычным ароматом свежей выпечки, ванили и горького шоколада. Но сегодня этот запах казался фальшивым, приторно-удушливым, как духи Изольды.

Я быстро переоделась в белоснежную униформу, стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Но краем глаза замечала – смотрят.

Светка Волкова, наша тихая сплетница, метнула на меня быстрый, любопытный взгляд и тут же уткнулась в свой телефон. Марина из соседнего цеха поздоровалась чуть громче обычного, с излишним энтузиазмом. Знают? Догадываются? Или просто чувствуют грозное напряжение?

Я встала на свое рабочее место, разложила инструменты. Главное – работать. Сосредоточиться на бисквите, креме, декоре. Работа всегда была моей отдушиной, моим спасением. Может, и сегодня поможет?

Она появилась внезапно, как всегда. Бесшумно выросла за спиной, когда я как раз взвешивала муку для нового заказа.

Изольда Марковна. Безупречный брючный костюм цвета слоновой кости, идеальная укладка платиновых волос, хищный блеск в холодных глазах. Ни тени вчерашней растрепанности в чужом халате. Королева на своей территории.

– Доброе утро, Есения Дмитриевна, – голос ровный, ледяной, с едва заметной насмешкой в интонации.

– Доброе утро, Изольда Марковна, – я заставила себя поднять голову и посмотреть ей в глаза. Всего на секунду. Хватило, чтобы увидеть там плохо скрываемое торжество.

– Сегодня у нас срочный заказ. Трехъярусный торт на юбилей одного важного клиента. Очень важного. Он должен быть безупречен, понимаете? Тонкая работа, никакого дилетантства. Думаю, поручить его вам. Справитесь? – она говорила нарочито громко, чтобы слышали и другие.

– Да, Изольда Марковна. Справлюсь, – ответила я так же ровно, возвращаясь к весам. Пусть смотрит, пусть проверяет. Я – профессионал.

Рабочий день превратился в пытку под микроскопом. Изольда кружила по цеху, как коршун. Она подходила ко мне каждые полчаса. То ей казалось, что бисквит недостаточно пышный, то пропитка слишком сладкая, то крем не того оттенка.

Замечания были мелкими, придирчивыми, но били точно в цель, выбивая из колеи. Я стискивала зубы и молча переделывала, стараясь сохранять внешнее спокойствие. Коллеги это видели. Светка таращилась во все глаза, Марина старательно делала вид, что ничего не замечает, но ее щеки пылали. Атмосфера в цехе накалилась до предела.

Ближе к концу смены, когда я, вымотанная до предела, заканчивала декорировать этот чертов юбилейный торт, Изольда снова подошла. Осмотрела результат долгим, придирчивым взглядом.

– Неплохо, Иволгина. Почти безупречно, – процедила она сквозь зубы. А потом, понизив голос так, чтобы слышала только я, добавила: – Знаете, Есения, в нашей кондитерской ценятся не только талант и почти безупречное исполнение. Гораздо больше ценится стабильность. Преданность делу. Умение держать личные проблемы при себе и не выносить сор из избы. – Она сделала паузу, глядя мне прямо в глаза своим холодным, оценивающим взглядом. – Незаменимых у нас нет. Вы же это понимаете? Любая ошибка, любое... недоразумение может очень дорого стоить. Репутации кондитерской. И вашей личной репутации тоже.

Вот оно. Прямая угроза, завернутая в заботу о репутации. Она давала понять: дернешься, устроишь скандал, будешь мешать ей – вылетишь с работы так, что ни в одну приличную кондитерскую больше не возьмут. Я почувствовала, как холодеют пальцы. Она загнала меня в угол. Дома – муж-предатель, которого я пока не могу выгнать. На работе – его любовница с неограниченной властью надо мной. Идеальный шторм.

– Я понимаю, Изольда Марковна, – тихо ответила я, не отводя взгляда. – Я все понимаю. Особенно про незаменимых.

В ее глазах на мгновение мелькнуло удивление – видимо, ожидала слез или истерики. Но я держалась. Ярость придавала сил.

Я закончила смену, механически переоделась, попрощалась с коллегами, стараясь не замечать их сочувственно-любопытных взглядов. Вышла из «Марципана», вдохнув прохладный вечерний воздух.

Ощущение было такое, будто я только что вышла из клетки с тигром. Но впереди ждала другая клетка – квартира, где придется снова столкнуться с Димой.

Нет, так больше нельзя. Нужно действовать. И первый шаг – это серьезный разговор с Димой. Не об ошибках и прощении. О разводе. О квартире. О том, как мы будем делить нашу разрушенную жизнь. Прямо сегодня. Хватит эмоций. Пора включать холодный расчет.

Глава 3: Отказ от "хорошего" развода

Вечер тянулся, как липкая карамель.

После возвращения из «Марципана», я ощущала себя не просто выжатой, а раздавленной. Каждый мускул ныл от напряжения, голова раскалывалась.

Дима встретил меня у порога с подобострастным выражением лица, будто провинившийся щенок. Он даже попытался суетливо забрать у меня сумку, но я отдернула ее так резко, что он отшатнулся.

Ужин прошел в гнетущем молчании. Мишка, слава богу, был у мамы – я договорилась, что он останется еще на ночь, предчувствуя бурю. Видеть его сейчас, когда внутри меня все клокотало от ярости и бессилия, было бы невыносимо.

Дима несколько раз попытался завести разговор о какой-то ерунде – погоде, пробках, но я отвечала односложно, не поднимая глаз от тарелки. Еда казалась ватой.

Когда посуда была вымыта (он даже вызвался помочь, неслыханная щедрость!), я поняла, что тянуть больше нельзя. Усталость боролась с решимостью, но решимость, подогретая воспоминаниями о ледяном взгляде Изольды и ее угрозах, побеждала.

Я налила себе стакан воды, сделала глоток, собираясь с духом. Он сидел напротив, за кухонным столом, и нервно теребил край скатерти.

– Дима, – начала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без дрожи. – Нам нужно поговорить. Серьезно. О разводе.

Он вскинул голову, на лице отразилась целая гамма эмоций – от испуга до упрямства.

– Еся, опять ты за свое? Я же сказал, это была ошибка! Я все исправлю! Дай мне шанс!

– Шансов больше не будет, Дима, – отрезала я. – Мое решение окончательное. Я подаю на развод. Вопрос не в том, будет он или нет. Вопрос в том, как мы это сделаем.

Я перевела дух.

– Нам нужно решить, как мы будем жить дальше. Практически. Кто съезжает из квартиры?

Он уставился на меня так, будто я предложила ему прыгнуть с балкона.

– Съезжает? С какой стати кто-то должен съезжать? Это и мой дом тоже! Мы вместе его покупали!

– Ты привел сюда свою любовницу, Дима. В нашу постель. Ты разрушил этот дом. Логично, что уйти должен ты, – мой голос начал набирать силу.

– Никуда я не пойду! – он ударил ладонью по столу, не сильно, но демонстративно. – Это абсурд! Какой развод? Я не согласен! Я не дам тебе развод!

– Ты не можешь мне его «не дать», – процедила я. – Это лишь вопрос времени и нервов. Но я думала, может, у тебя хватит совести сделать это по-человечески. Хотя бы ради Миши.

Он тут же ухватился за это имя, как утопающий за соломинку. Глаза его заблестели не то от слез, не то от злости.

– Ах, ради Миши?! А ты подумала о Мише, когда решила рушить семью?! Как это на нем отразится? Мальчику нужен отец! Нужна полная семья! Ты хочешь сделать его несчастным ребенком разведенных родителей?! Лишить отца?! Ради чего? Своей гордости?!

– Не смей прикрываться Мишей! – вскричала я, вскакивая со стула. – Ты о нем не думал вчера! И позавчера! И сколько еще дней до этого?! Ты думал только о себе! А я думаю о том, что ребенку вреднее жить в доме, где родители ненавидят друг друга, где отец – лжец и предатель!

– Я не предатель! Я оступился! – закричал он в ответ. – А ты? Ты сама во всем виновата! Вечно уставшая, вечно недовольная, вся в своей работе! Я был одинок рядом с тобой!

– Одинок? И поэтому ты нашел утешение у моей пятидесятилетней начальницы?! – сарказм сочился из каждого слова. – Как удобно!

– Не говори так о ней! – взвился он.

– Я буду говорить о твоей любовнице так, как считаю нужным! Особенно после того, как застала ее в своей кровати! – я почти визжала, не узнавая собственный голос.

Мы стояли друг напротив друга, тяжело дыша. Воздух на кухне можно было резать ножом. Я видела по его упрямо сжатым губам, по злому огню в глазах – он не уступит. Не уйдет. Не согласится на развод без боя. Он будет цепляться за эту квартиру, за привычный комфорт, за статус женатого мужчины, который ему, видимо, чем-то выгоден. И Миша будет его главным щитом и оружием.

Осознание этого опустилось на меня ледяной плитой. "Хорошего" развода не будет. Будет война. Война на истощение, прямо здесь, на этой территории.

Я медленно опустилась обратно на стул, чувствуя, как силы покидают меня. Спорить дальше было бесполезно. По крайней мере, сейчас.

– Хорошо, – сказала я тихо, но отчетливо. Голос был пустой, безэмоциональный. – Не хочешь уходить – не уходи. Живи здесь. Но учти, Дима, семьи у нас больше нет. С этой минуты мы – соседи. Чужие люди под одной крышей. Спальня твоя. Я сплю в детской. Никаких общих ужинов, никаких разговоров, кроме самых необходимых, касающихся Миши. Никаких «шансов». Ничего.

Он смотрел на меня, ошарашенный моей внезапной сменой тона. Возможно, он ожидал продолжения скандала, слез, истерики. А получил ледяное спокойствие.

– Ты... ты серьезно? – пробормотал он.

– Абсолютно, – я встала. – Привыкай к новой реальности. А теперь извини, я устала.

Я развернулась и пошла в детскую, чувствуя его растерянный и злой взгляд в спину. Закрыла за собой дверь и прислонилась к ней лбом. Господи, во что превратилась моя жизнь? Я в ловушке. В капкане. Дома – враг. На работе – враг.

Нужна помощь. Нужен совет. Нужен кто-то, кто не будет лить слезы и жалеть, а скажет, как выжить в этом дурдоме.

Я достала телефон. Пальцы сами нашли нужный номер. Вика. Уж она-то точно придумает, как превратить жизнь соседа Димы в персональный филиал ада на земле. Или хотя бы поможет мне не сойти с ума. Гудки пошли почти сразу.

– Викуля? Привет. Это я. У меня тут... полный трэш. Рассказать надо.

♥# *Нравится книга? Подпишитесь на мою страницу по этой ссылке: <https://litnet.com/shrt/idxf> Просто нажмите кнопку "Отслеживать автора"вверху профиля! Плюсик к карме и +100 к моей мотивации работать еще больше ради Вас! ♥#*

Глава 4: Подруга спешит на помощь

Телефон Вика взяла после второго гудка, словно ждала моего звонка.

– Слушаю! – ее бодрый голос, как всегда чуть громче необходимого, резанул по натянутым нервам.

– Викуля? Привет. Это я, – голос предательски дрогнул. – У меня тут... полный трэш. Рассказать надо. Срочно.

Пауза на том конце провода была микроскопической.

– Так, подруга, без паники. По голосу слышу – дело пахнет не просто керосином, а напалмом. Этот твой остолоп Димон опять учудил? Или свекровь с новой проповедью нарисовалась?

– Хуже, Вик. Гораздо хуже, – я сглотнула. – Дима. И Изольда Марковна.

– Кто?! – в голосе Вики звякнул металл. – Эта... эта престарелая Барби с амбициями директора Вселенной? Да ты гонишь!

– Не гоню. Застала их. У нас. В нашей постели.

В трубке повисло такое молчание, что я испугалась, не оборвалась ли связь.

– Вика?

– Так, – ее голос стал опасно спокойным, как затишье перед бурей. – Значит, этот твой благоверный не просто козел, а козел с извращенными вкусами. И эта мумия еще и на чужих мужей зарится? Ни стыда, ни совести, ни нормального косметолога! Адрес говори, где ты? Я через пятнадцать минут буду. И не реви мне тут! Слезы отложим на потом, когда будем его вещи с балкона запускать.

Через двадцать минут мы сидели в нашем любимом кафе «Фисташка». Вика, как всегда яркая – в джинсах с прорезами, футболке с какой-то дерзкой надписью и с волосами цвета фуксии, собранными в небрежный хвост, – выглядела инопланетным созданием рядом со мной, бледной тенью в строгой блузке.

Она тут же заказала мне огромный шоколадный фондан («Для поднятия уровня эндорфинов, детка, тебе сейчас нужнее, чем кислород!») и себе двойной эспresso с чем-то, что подозрительно пахло коньяком.

И я рассказала. Все. Про вчерашний вечер, про лаковые лодочки и шелковый халат, про жалкий лепет Димы и холодную усмешку Изольды. Про утро, про угрозы на работе, про сегодняшний разговор и его категорический отказ съезжать и разводиться «по-хорошему». Вика слушала молча, только желваки на ее скулах ходили ходуном, а глаза метали молнии.

Когда я закончила, выжатая и опустошенная, она залпом допила свой эспresso.

– Ну, что сказать, подруга... – задумчиво протянула она. – Диагноз ясен. У твоего Димы не просто кризис среднего возраста, а атрофия мозга и совести в терминальной стадии. А Изольда Марковна... Ну, тут все сложнее. Тут, видимо, комплекс неполноценности размером с ее кондитерскую империю, помноженный на климакс и страх остаться одной с коллекцией дорогих сумок. Жалкое зрелище, если честно.

– Мне не до смеха, Вик, – прошептала я, ковыряя ложкой растаявший шоколад.

– А зря! – она хлопнула ладонью по столу так, что подпрыгнули чашки. – Именно смех – наше главное оружие! Ты что, собираешься сидеть и лить слезы, пока этот инфантильный слизняк будет портить тебе жизнь на твоей же территории? Нет уж, дудки! Раз он не хочет уходить по-хорошему, значит, мы ему устроим такую веселую жизнь, что он сам сбежит в объятия своей мумии, сверкая пятками и вопя от ужаса! Объявляю операцию «Выживи козла из рая» открытой!

Я недоверчиво посмотрела на нее.

– Вика, это не смешно. Он не уйдет.

– А мы ему поможем! – ее глаза азартно блеснули. – Слушай сюда, мой юный падаван, и запоминай рецепт выживания на одной территории с бывшим, но пока еще настоящим. Итак, пункт первый: холодильник! Святая святых! Отныне он делится строго пополам. На его полке – только то, что он сам купил. Или что ты ему туда «случайно» положишь. Например, позавчерашний кефир или портрет Изольды Марковны в рамочке – для аппетита. А на твоей... – она мечтательно закатила глаза, – на твоей будут красоваться самые аппетитные пирожные из «Марципана», которые ты, такая вся из себя несчастная, приносишь домой, чтобы «заесть горе», и демонстративно пожираешь перед его носом, причмокивая от удовольствия.

Я невольно улыбнулась. Картина представилась очень живо.

– Дальше – ванная! – Вика вошла в раж. – Это теперь твой личный спа-салон. Запираешься там на три часа. С пеной, ароматическими свечами, музыкой для медитаций и бокалом шампанского. А когда этот твой страдалец начнет ломиться в дверь с криками, что ему срочно нужно, невинно так хлопаешь ресничками и говоришь: «Ой, Димочка, прости, я так расслабилась! Думала, ты сегодня гигиенические процедуры у своей Изольдочки проходишь, у нее же там, наверное, все по высшему разряду, с золотыми ершиками!»

Смех вырвался у меня против воли – нервный, сдавленный, но настоящий. Первый смех за последние сутки.

– Телевизор! – не унималась Вика. – Когда он собирается смотреть свой драгоценный футбол, ты включаешь на полную громкость самые душераздирающие мелодрамы. И рыдаешь в голос! Пусть наслаждается спортивным вечером под аккомпанемент твоих страданий. Интернет! Пароль от Wi-Fi меняется каждый день. И ты его «случайно» забываешь записать. «Ой, Димочка, опять эта девичья память!»

– Вика, это же детский сад! – пролепетала я, вытирая выступившие от смеха слезы.

– А он у тебя кто, не великовозрастный ребенок? – парировала она. – Поверь, такие мелочи выводят из себя похлеще любого скандала! И главное – тотальный игнор его персоны, если он не касается Миши. Но при этом сама ты должна цвести и пахнуть! Новая прическа, маникюр, улыбка до ушей, даже если на душе кошки скребут. Пусть видит, что без него тебе только лучше! А еще... почаще приглашай меня в гости. Мы будем пить шампанское, громко хохотать и обсуждать твоих «новых поклонников». Даже если эти поклонники существуют только в нашем воображении. Пусть его жаба задушит от ревности и ощущения, что жизнь проходит мимо, пока он киснет в ожидании своей престарелой Джульетты!

Она откинулась на спинку стула, довольная произведенным эффектом. Я смотрела на нее, и на душе становилось чуточку легче. Конечно, ее советы были на грани абсурда, но в них была какая-то злая, освобождающая правда. Это был не столько план мести, сколько способ не сойти с ума, сохранить остатки самоуважения и показать этому... этому Диме, что я не собираюсь быть покорной жертвой.

– И еще, – Вика вдруг стала серьезнее. – Начни откладывать деньги. Потихоньку. На хорошего юриста. И если есть возможность, фиксируй его косяки. Любые. В бракоразводном процессе пригодится.

Я кивнула. Это был уже дельный совет.

Мы еще немного посидели, Вика травила байки, я понемногу приходила в себя. Шоколадный фондан оказался действительно чудодейственным. Или это Вика была моим личным эндорфином.

Когда мы прощались, я почувствовала, что плечи расправились, а в глазах появился какой-то новый, злой огонек. Проблемы никуда не делись, но теперь рядом с ними поселилась решимость. И капелька азарта.

Возвращаясь домой, я уже не чувствовала себя такой раздавленной. В голове крутились Викины советы, вызывая то усмешку, то желание немедленно приступить к их реализации.

«Ну что ж, Дмитрий Градов, – подумала я, открывая дверь квартиры, которая теперь стала полем боя. – Ты хотел войну? Ты ее получишь. Со вкусом свежего бисквита, большой порцией сарказма и, возможно, с легким ароматом моих новых духов, которые тебе точно не понравятся».

Коммунальная жизнь обещала быть интересной.

Глава 5: Коммунальный фронт

Следующее утро началось с твердого намерения.

Я проснулась на диване в гостиной, который за последние пару ночей стал моим персональным окопом. Спина предсказуемо ныла, но во взгляде, которым я окинула нашу (пока еще нашу) квартиру, была новообретенная сталь.

Операция «Выживи козла из рая», как метко окрестила ее Вика, объявлялась открытой. Миша еще гостил у мамы, что развязывало мне руки для первого массированного удара.

Я вышла на кухню. Дима уже сидел там, мрачно ковыряя вилкой остывшую яичницу, которую, видимо, приготовил сам. Вид у него был помятый и недовольный. Он поднял на меня глаза, очевидно, ожидая очередных стенаний или скандала. Не дожидаясь.

– Доброе утро, – бросила я нарочито бодрым, почти веселым тоном, от которого он слегка поперхнулся кофе.

Не обращая на него внимания, я достала из холодильника йогурт (купленный вчера вечером специально для себя) и пачку мюсли. Налила себе кофе, демонстративно используя свою любимую чашку – ту, что он мне когда-то подарил на годовщину, и которую я теперь собиралась использовать как символ своей независимости.

Завтрак прошел в напряженном молчании с его стороны и в демонстративно-беззаботном – с моей. Я даже тихонько напевала какую-то мелодию, просматривая новости на телефоне. Дима несколько раз открывал рот, чтобы что-то сказать, но, встретив мой отсутствующий взгляд, снова захлопывал варежку.

После завтрака настал черед главного театра военных действий – холодильника. Я распахнула его дверцу с видом инспектора, проверяющего армейские склады.

– Так-так-так, – протянула я, задумчиво оглядывая содержимое. – Нужно навести тут порядок. Разделение труда, так сказать. Или, точнее, разделение полок.

Дима, до этого хмуро наблюдавший за моими манипуляциями, оторвался от своей чашки.

– Что ты опять задумала, Еся?

– Ничего особенного, дорогой, – я одарила его самой невинной из своих улыбок. – Просто устанавливаю правила добрососедского проживания. Вот эта полка, – я указала на верхнюю, – будет моей. Здесь будут жить мои десерты, фрукты и прочие радости жизни. А эта, – палец переместился на среднюю, где сиротливо ютилась его вчерашняя колбаса и начатая банка консервов, – будет твоя. Можешь тут хранить свои... мужские печали. Или что ты там обычно ешь, когда я не готовлю.

Я решительно принялась переставлять продукты. Мои баночки с йогуртом, красивый кусочек сыра, маленькое пирожное «Картошка», которое я «случайно» прихватила вчера из «Марципана» (специально для поднятия боевого духа), заняли почетное место на верхней полке. Димины припасы были сдвинуты на его «территорию».

– Есения, это какой-то детский сад! – возмутился он, вставая. – Мы взрослые люди!

– Именно потому, что мы взрослые, Димочка, мы и должны уважать личное пространство друг друга, – проворковала я, с любовью расставляя свои йогурты. – И личные продукты. Кстати, не забудь купить себе молока, это мое.

Следующим стратегическим объектом стала ванная. Я набрала полную ванну горячей воды, щедро плеснула туда какой-то ароматной пены с лавандой (Вика утверждала, что лаванда успокаивает нервы, а мне они еще пригодятся), включила на телефоне плейлист с расслабляющей музыкой и заперлась. Минут через двадцать, когда я уже достигла состояния нирваны, в дверь настойчиво постучали.

– Еся! Ты там надолго?! – раздался раздраженный голос Димы. – Мне на работу надо собираться!

– Ой, Димочка, прости, дорогой! – пропела я максимально сладким голосом. – Я тут немного релаксирую. Стресс снимаю, понимаешь? Думаю, еще часик, не меньше. Вода такая приятная! А ты разве не у Изольды Марковны планировал сегодня душ принять? Говорят, у нее там в апартаментах что-то невероятное, чуть ли не с гидромассажем и видом на Кремль.

За дверью послышалось сдавленное рычание и удаляющиеся шаги. Я улыбнулась своему отражению в запотевшем зеркале. Счет два-ноль в мою пользу.

Мелкие бытовые диверсии продолжались весь день. Стирки удостоились только мои вещи. Димины носки, одиноко выглядывающие из корзины для грязного белья, были демонстративно проигнорированы.

Вечером, когда он уселся перед телевизором в предвкушении какого-то важного матча, я оккупировала гостиную, включив на ноутбуке старый, слезливый сериал, который смотрела еще в юности. И, конечно же, звук был на полную громкость. На его возмущенное «Еся, я не слышу комментатора!» я ответила, шмыгнув носом: «Димочка, тут такой трогательный момент! Главная героиня узнала, что ее муж – подлец! Прямо как в жизни, представляешь?».

Дима побагровел, но промолчал, удалившись в спальню, которая теперь была его личной берлогой. Туда я не заходила, брезгливо обходя ее стороной.

Вечером, когда мой муженек, издерганный и злой после дня, полного моих «сюрпризов», попытался завести разговор на повышенных тонах («Мы так долго не протянем! Это невыносимо!»), я лишь пожала плечами.

– А кто сказал, что будет легко, Димочка? – спокойно ответила я, помешивая чай. – Адаптация к новым условиям совместного проживания всегда требует времени и терпения. Особенно когда один из соседей... немного накосячил. Привыкай.

Я взяла свою чашку и демонстративно удалилась в гостиную, на свой диван, оставив его одного на кухне, в напряженной, звенящей тишине.

Засыпая, я чувствовала странную смесь – усталость от этого маскарада, едкое злорадство и горькое удовлетворение. Первый раунд коммунальной войны определенно остался за мной. Но я прекрасно понимала, что это только начало. И Дима так просто не сдастся.

Глава 6: Попытка примирения

Дни тянулись в режиме вялотекущей коммунальной войны. Мои мелкие пакости, вдохновленные Викиной стратегией, действовали Диме на нервы безотказно.

Он ходил по квартире мрачнее тучи, периодически взрываясь тирадами о моем «инфантилизме» и «невыносимом характере». Я лишь пожимала плечами и продолжала свою партизанскую деятельность: то «случайно» пересолю ему суп (который он теперь варил себе сам), то «забуду» купить его любимые сигареты, то показательно громко буду обсуждать с Викой по телефону несуществующие, но очень перспективные свидания.

Изоolda на работе тоже не дремала, но об этом позже. Сейчас Дима, очевидно, решил, что домашний фронт требует немедленного контрнаступления. И, судя по всему, выбрал для этого самый, на его взгляд, проверенный и безотказный метод.

В один из вечеров, когда напряжение в квартире, казалось, можно было резать ножом, он вдруг проявил неслыханную любезность. Притащил букет хризантем – моих когда-то любимых, а теперь вызывающих лишь нервный тик.

Я, не моргнув глазом, сунула их в трехлитровую банку из-под маминых огурцов и поставила на самый дальний подоконник на кухне. Он даже попытался приготовить ужин – нечто неопределенное, отдаленно напоминающее макароны по-флотски, но с привкусом отчаяния. Я вежливо отказалась, сославшись на то, что «сегодня у меня разгрузочный день на кефире и яблоках».

Он весь вечер ходил вокруг да около, бросал на меня томные взгляды, пытался говорить комплименты («Ты сегодня хорошо выглядишь, Есь... как-то... посвежела») и даже завел шарманку про «наши старые добрые времена».

Я слушала вполуха, мысленно составляя список продуктов, которые нужно не забыть переложить с его полки холодильника на свою. Что-то он замышлял, и это «что-то» мне интуитивно не нравилось.

Развязка наступила поздно вечером. Я, как обычно, устроилась на своем диване в гостиной, укутавшись в плед и открыв книгу. В квартире стояла тишина, если не считать тихого гудения холодильника и Диминого демонстративно громкого покашливания из спальни. Я уже начала было засыпать, когда дверь гостиной тихо скрипнула, и на пороге нарисовался он.

В шелковом халате, который я ему дарила на прошлый Новый год и который он с тех пор почти не носил. Босой. Слегка взъерошенный.

– Есь... – прошептал он, подходя ближе. – Ты не спишь?

Я отложила книгу, сердце неприятно екнуло.

– Что тебе нужно, Дима?

Он сел на край дивана, слишком близко. От него пахло его обычным гелем для душа и... чем-то еще. Надеждой? Самоуверенностью?

– Есь, ну хватит уже дуться, – он попытался взять мою руку. Я резко отдернула ее. – Мы же родные люди. Столько всего было... Я скучаю по тебе. По нам.

Его рука снова потянулась ко мне, на этот раз к плечу. Он попытался меня обнять, прижать к себе.

– Давай забудем все, а? Как раньше... Помнишь, как мы мирились? Это всегда помогло...

И тут до меня дошло. Дошло со всей омерзительной ясностью. Он не понял. Ничего не понял. Он всерьез считал, что после всего – после Изолды, после его вранья, после моего унижения – он может просто прийти, обнять, поцеловать, и все вернется на круги своя. Что секс – это универсальный клей, способный склеить вдребезги разбитую чашку наших отношений.

Отвращение и ярость поднялись во мне ледяной волной.

– Ты с ума сошел?! – я оттолкнула его так сильно, что он едва не свалился с дивана. – Убери от меня свои руки! Немедленно!

Он опешил, на его лице отразилось искреннее недоумение, быстро сменившееся обидой.

– Еся, ты чего? Я же...

– Что «ты же»?! – мой голос зазвенел от гнева. – Ты действительно думаешь, что после того, как ты валялся в нашей постели с этой... этой старой перечницей, я позволю тебе ко мне прикоснуться?! Тебе напомнить, кто согревал твою сторону кровати совсем недавно? Иди к ней, если тебе так не хватает! Она, наверное, будет рада твоим «примирительным» ласкам!

– Еся, не говори так... Я же как лучше хотел... Я думал, мы...

– Думал?! – я рассмеялась ему в лицо, но смех был злым, истеричным. – Ты думал, что можешь просто переспать с проблемой, Дима? Заткнуть мне рот своим «мужским вниманием» и сделать вид, что ничего не было? Не выйдет! Слышишь? Не выйдет! Для меня ты больше не существуешь как мужчина! Ты мне отвратителен!

Слова вылетали сами, хлесткие, как пощечины. Я видела, как его лицо меняется – самоуверенность сползла, уступив место растерянности, потом – злости. Его самолюбие, его мужское эго было задето, растоптано.

– Ну и дура! – рявкнул он, вскакивая. – Сама не знаешь, чего хочешь! Я к тебе со всей душой, а ты... Да ты еще прибежишь, пожалеешь!

– Никогда, – прошипела я, глядя ему в глаза с неприкрытой ненавистью. – Убирайся отсюда. И чтобы больше я не видела тебя в этой комнате ночью. Иначе я вызову полицию, клянусь!

Он постоял еще мгновение, сверля меня взглядом, потом резко развернулся и вышел, громко хлопнув дверью. Тишина, которая наступила после, была оглушающей.

Меня трясло. От гнева, от омерзения, от боли, которая снова пронзила сердце. Он действительно ничего не понял. Он считал, что его предательство – это так, мелочь, которую можно загладить одним перепихоном. Каким же ничтожеством он был!

Я подошла к двери и задвинула щеколду, которой раньше никогда не пользовалась. Этой ночью сон ко мне так и не пришел. Я лежала, глядя в потолок, и снова и снова прокручивала в голове эту сцену. Его самодовольная ухмылка, его руки, его слова... Чувство осквернения было почти физическим.

Этот инцидент стал последней каплей. Если раньше во мне еще теплилась какая-то микроскопическая, почти бессознательная надежда на то, что он одумается, извинится, поймет... то теперь она умерла окончательно. Он был не просто предателем. Он был непроходимым, эгоистичным болваном, не способным понять глубину причиненной им боли.

И это знание, как ни странно, придавало сил. Битва за мою свободу, за мое самоуважение продолжалась. И я была готова к ней. Пусть Изольда на работе попробует надавить сильнее. Я больше не боялась. Терять мне было уже нечего, кроме собственных цепей.

Глава 7: Месть на рабочем месте

После ночного инцидента с Димой, его неуклюжей и омерзительной попыткой «примирения», я шла на работу с тяжелым сердцем. Если уж домашний тиран решил, что его чары на меня больше не действуют, то его пассия на рабочем месте наверняка удвоит усилия. И я не ошиблась.

Изольда Марковна встретила меня у входа в кондитерский цех. Ее платиновые волосы были уложены в безупречную, но хищную прическу, а в глазах цвета замерзшего озера плескалась такая откровенная злоба, что мне на мгновение стало не по себе.

Видимо, Дима успел пожаловаться на строптивую жену, не оценившую его «душевный порыв».

– Иволгина, – процедила она, даже не удостоив меня «добрым утром». – У вас вид, будто вы всю ночь не спали, а вагоны разгружали. Надеюсь, это не отразится на качестве вашей работы? Сегодня у нас проверка из Санэпидемстанции, и любая мелочь... – она выразительно повела идеально выщипанной бровью, – любая мелочь может стоять нам репутации. И кому-то – рабочего места.

Придирки начались с порога. Мой идеально чистый фартук показался ей «недостаточно белоснежным», а собранные в тугий пучок волосы – «небрежными». За утренним кофе она сделала мне замечание, что я «слишком громко стучу ложкой», а когда я попыталась уточнить детали по новому заказу, оборвала меня на полуслове, заявив, что «профессионалы должны понимать с полупамятки».

А потом начался ад. Изольда словно решила проверить меня на прочность, завалив работой так, что я едва успевала переводить дух. Сначала – срочный заказ на двадцать мини-тортов «Павлова», которые требовали ювелирной точности и немедленной отдачи.

Не успела я закончить с ними, как на меня свалили разработку нового десерта для VIP-клиента – «что-нибудь эдакое, Иволгина, чтобы все ахнули, но чтобы было низкокалорийно и без глютена, вы же у нас мастер креатива». И все это – под ее неусыпным, ястребиным взглядом.

Она кружила по цеху, останавливаясь возле моего стола чаще, чем возле любого другого.

Комментировала каждый мой шаг, каждую мелочь. Бисквит у меня получился «слишком сухим», крем – «недостаточно воздушным», а декор – «отдает провинциальной безвкусицей». Даже когда я, стиснув зубы, переделывала все в точности по ее абсурдным указаниям, она находила новый повод для критики.

– Иволгина, вы сегодня как сонная муха! – цедила она, когда я на секунду замешкалась, выбирая насадку для крема. – В «Марципане» не платят за медлительность! Может, вам стоит взять отпуск? Отдохнуть, привести нервы в порядок... А то, знаете ли, личные проблемы не должны сказываться на работе такого уровня.

Коллеги старались не смотреть в мою сторону, но я чувствовала их напряженные взгляды. Светка Волкова, наша тихая сплетница, несколько раз ловила мой взгляд, и в ее глазах читалось не только любопытство, но и что-то похожее на сочувствие. Однажды, когда Изольда отошла в свой кабинет, Светка быстро сунула мне в руку шоколадную конфету: «Держись, Еся. Она сегодня просто фурия». Я благодарно кивнула. Даже такая мелочь придавала сил.

Я работала на износ, на адреналине, на чистом упрямстве. Руки дрожали от усталости, спина гудела, но я не позволяла себе расслабиться ни на секунду. Я знала – стоит мне допустить малейшую ошибку, Изольда вцепится в нее, как питбуль. И она этого ждала.

Кульминация наступила ближе к вечеру. Изольда вызвала меня в свой кабинет.

– Есения Дмитриевна, – начала она ледяным тоном, едва я переступила порог. – Мне только что доложили, что партия бельгийского шоколада, которую вы использовали сегодня

для ганаша, оказалась... испорченной. Причем, по вашей вине. Вы нарушили технологию темперирования.

Я замерла. Этого не могло быть. Я перепроверяла каждый этап, каждый градус.

– Изольда Марковна, это какая-то ошибка. Я уверена, что...

– Ошибка – это то, что вы до сих пор здесь работаете, Иволгина! – перебила она, повышая голос. – Из-за вашей халатности кондитерская понесла убытки! Дорогуший шоколад – коту под хвост! Вы понимаете серьезность ситуации?!

Я смотрела на нее, и во мне закипала холодная ярость. Я знала, что это подстава. Ложь. Но как доказать?

– Я требую провести проверку, – сказала я твердо, глядя ей прямо в глаза. – Я уверена в своей работе. И я не портила никакого шоколада.

– Требуете? – она усмехнулась. – В вашем положении, Иволгина, не требуют, а молятся, чтобы не вылететь с работы с волчьим билетом. Я подумаю над вашим поведением. А пока – можете быть свободны. И чтобы завтра на вашем столе был идеальный ганаш. Из новой партии. Если, конечно, вы ее снова не испортите.

Я вышла из ее кабинета, чувствуя, как дрожат колени. Это была открытая война. Она не просто хотела меня унижить или довести до увольнения. Она хотела меня уничтожить профессионально.

Конец рабочего дня я встретила как выжатый лимон. Но когда я переодевалась, Светка подошла ко мне.

– Есь, – тихо сказала она, оглядываясь. – Тот шоколад... я видела, как Марина из соседнего цеха его брала. Она сказала, Изольда Марковна попросила ее «проверить остатки». А потом она его куда-то унесла. Я не сразу поняла...

Я посмотрела на Светку с благодарностью. Пусть она сплетница, но сейчас она проявила неожиданную смелость.

– Спасибо, Света, – тихо сказала я.

Я вышла из «Марципана» с тяжелым сердцем, но и с новым чувством. Она не сломает меня. Ни Изольда, ни Дима. Я не доставлю им такого удовольствия. Я буду бороться. И я найду способ не только выстоять, но и дать отпор.

Эта мысль, как ни странно, придавала сил. Битва за мою свободу, за мое самоуважение продолжалась. И я была к ней готова. Терять мне было уже нечего. А вот приобрести можно было многое. Например, новую жизнь. И новый рецепт счастья. Без горького привкуса измены.

Глава 8: Маленький Шпион с Большими Ушами

Выходные обрушились на нашу коммунальную крепость как стихийное бедствие.

Мама привезла Мишу в субботу утром, щебечущего и полного впечатлений от двух дней, проведенных в царстве бабушкиных пирогов и неограниченного просмотра мультиков. Я старательно нацепила на лицо улыбку «самой счастливой мамочки на свете», но чувствовала, как под ней подрагивают мышцы от внутреннего напряжения.

Создавать для Мишки иллюзию нормальной жизни, когда твоя собственная жизнь напоминает бразильский сериал на грани нервного срыва, – задача не из легких.

Первое, что заметил мой шестилетний Шерлок Холмс, это, конечно, моя дислокация.

– Мам, а почему ты теперь спишь на диване? – спросил он за завтраком, сосредоточенно ковыряя ложкой в тарелке с овсянкой. – Диван же не такой удобный, как ваша с папой кровать.

Дима, сидевший напротив и делавший вид, что поглощен чтением новостей в телефоне, заметно напрягся.

– Просто... маме так захотелось, солнышко, – нашлась я, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно. – Иногда взрослым хочется перемен.

Но Мишку такой ответ, видимо, не устроил. Весь день он ходил за мной хвостиком, внимательно наблюдая за нашими с Димой передвижениями по квартире. Он видел, как мы старательно избегаем друг друга, как папа мрачно смотрит в телевизор, а мама то и дело вздыхает, когда думает, что он не видит.

Вечером, когда я укладывала его спать, он снова перешел в наступление.

– Мамочка, а вы с папой поссорились? – его большие зеленые глаза, так похожие на мои, смотрели серьезно и встревоженно. – Сильно?

– Ну что ты, котенок, – я погладила его по взъерошенным волосам. – Взрослые иногда... немного спорят. Но это не страшно. Мы все равно тебя очень-очень любим. И папа тоже.

– А почему вы тогда больше не смеетесь вместе? – не унимался он. – Раньше вы всегда смеялись, когда смотрели кино. А сегодня папа один смотрел, а ты книжку читала. И он был грустный.

Каждое его слово было как маленький, но острый укол прямо в сердце. Я чувствовала себя ужасной матерью, втянувшей своего ребенка в этот кошмар. Он не должен был этого видеть, не должен был этого чувствовать.

Дима, кстати, тоже пытался разыгрывать из себя «отца года». Он вдруг вспыхнул желанием пойти с Мишкой на аттракционы (куда мы обычно ходили все вместе), пытался втянуть его в какие-то шумные игры, демонстративно обнимал и тискал на моих глазах. А один раз, когда я вышла из ванной, застала его шепчущимся с сыном.

– ...и скажи маме, что папа ее очень-очень любит и скучает по ней, хорошо? – услышала я обрывок фразы.

Мишка посмотрел на меня своими честными глазищами и выпалил:

– Мам, а папа сказал, что он тебя очень-очень любит и скучает! Это правда? Вы помиритесь?

Я с трудом сдержала стон. Манипулятор восьмидесятого уровня! Использовать ребенка, чтобы давить на меня!

– Папа у нас иногда говорит... интересные вещи, – уклончиво ответила я, уводя Мишку в детскую под предлогом почитать новую книжку.

В воскресенье мы все-таки попытались изобразить «счастливую семью» на прогулке в парке. Миша носился вокруг, собирая осенние листья, а мы с Димой шли рядом, сохраняя

между собой дистанцию не меньше метра и обмениваясь лишь короткими, ничего не значащими фразами по поводу погоды или поведения сына.

Напряжение висело в воздухе таким плотным туманом, что, казалось, его можно было потрогать. Миша, обычно болтавший без умолку, тоже притих, чувствуя этот холод.

Вернувшись домой, он сел рисовать. Через некоторое время принес мне свой шедевр. На листе бумаги были изображены три человечка. Мама и папа стояли по разные стороны огромного, почему-то серого, солнца, а между ними, маленький и одинокий, стоял мальчик с очень грустным лицом.

– Это мы, – пояснил Миша. – Только почему-то не весело.

Я обняла его так крепко, что он пискнул. Слезы навернулись на глаза, но я быстро их смахнула. Нельзя раскисать. Не при нем.

– Солнышко мое, мы обязательно сделаем так, чтобы было весело, – прошептала я, целуя его в макушку. – Обещаю.

Вечером, когда Миша уже спал в своей кроватке, я долго сидела рядом с ним, глядя на его безмятежное лицо. Он был таким маленьким, таким беззащитным. И он не заслуживал этой лжи, этой фальши, этой войны, которая развернулась в его собственном доме.

Чувство вины душило меня. Может, Дима прав, и нужно терпеть ради «полной семьи»? Но какой ценой? Ценой собственного самоуважения? Ценой ежедневной пытки для всех нас?

Нет. Я посмотрела на спящего сына. Ради него. Ради его будущего, где не будет места этому вечному напряжению и недосказанности. Ради того, чтобы он видел свою маму не загнанной лошадкой, а счастливой женщиной, способной дать ему настоящую любовь и заботу, а не их суррогат.

«Я должна это прекратить, – пронеслось в голове с новой, отчаянной силой. – Ради него. Ради нас».

Эта ночь была еще одной бессонной ночью. Но в ней, помимо боли и тревоги, рождалось что-то еще. Железная уверенность, что обратной дороги нет. И что я сделаю все, чтобы вырвать нас с Мишей из этого болота. Даже если для этого придется пройти через все круги ада. А судя по настрою Изольды и Димы, ад только начинался.

Глава 9: Абонент снова врёт (и недоступен для совести)

После выходных, проведенных под знаком «Миша чувствует все», Дима, кажется, решил сменить тактику. Вместо обиженного молчания или неуклюжих попыток примирения через постель, он начал разыгрывать драму «страдающий муж и примерный отец».

На глазах у Миши он был само внимание и забота, а когда мы оставались одни, заводил заезженную пластинку о том, как ему тяжело, как он «все осознал» и как «нам нужно попытаться все склеить ради сына».

Слушать это было тошнотворнее, чем пересоленный суп, который я ему теперь «случайно» готовила. Его глаза – эти когда-то любимые голубые озера, теперь казались мутными омутами, на дне которых копошилась ложь. Я видела его лицемерие насквозь, и оно вызывало во мне только приступы глухой, холодной ярости.

А пока он разыгрывал из себя кающегося грешника, его двойная жизнь цвела пышным цветом. Признаки этого сыпались на меня, как осенние листья – назойливые и неизбежные.

Его телефон стал продолжением его руки, но при этом – строго охраняемой территорией. Он то и дело уходил с ним в ванную или на балкон, бубня что-то вполголоса, нервно оглядываясь. Однажды я, проходя мимо, отчетливо услышала обрывок фразы, сказанной приторно-нежным тоном: «...конечно, котик, я тоже безумно скучаю... потерпи немного...». «Котик»? Серьезно? Мой желудок свело от омерзения. Хотелось вырвать у него телефон и запустить им в стену.

Сообщения сыпались ему одно за другим, и он, расплываясь в идиотской улыбке, быстро прятал экран, стоило мне только приблизиться. «Срочные совещания» и «неотложные встречи с клиентами» стали его постоянными спутниками по вечерам.

Он возвращался поздно, благоухая чужими духами – тяжелыми и сладкими, как у Изольды, – и с таким отсутствующим видом, будто только что спустился с Луны. Или, что более вероятно, из ее объятий.

Контраст между его словами и действиями был настолько вопиющим, что иногда мне казалось, я схожу с ума. Как можно с утра говорить о любви к сыну и желании сохранить семью, а вечером мчаться на свидание к любовнице? Он что, держал меня за полную идиотку, не способную сложить два плюс два? Или ему было просто наплевать?

Однажды вечером, когда он «срочно уехал на объект», я, убирая в его карманах перед стиркой (старая привычка, от которой никак не могла избавиться), наткнулась на сложенный вдвое чек из дорогого ресторана в центре города.

Счет был на двоих, и дата – вчерашняя, когда он якобы «допоздна сидел над отчетами в офисе». В меню значились устрицы и шампанское. Картина маслом: мой «страдающий» муж заливает горе шампанским в компании своей престарелой пассии.

Меня накрыло такой волной безысходности, что я едва устояла на ногах. Я знала правду, видела ее, ощущала каждой клеткой, но что я могла сделать прямо сейчас? Выставить его за дверь? Он бы уперся, начал бы снова прикрываться Мишей.

Уйти самой? С ребенком на руках, без собственного жилья и с начальницей-любовницей, которая только и ждет, чтобы меня уничтожить? Это казалось ловушкой, из которой нет выхода. Моя мелкая «партизанская война» с дележкой полок в холодильнике и пересоленными супами казалась такой жалкой и нелепой на фоне этого всепоглощающего предательства.

Иногда, когда Миша засыпал, я просто сидела на кухне, тупо глядя в одну точку, и во мне поднималась черная, вязкая злость. Злость на него – за его двуличие и трусость. Злость на Изольду – за ее наглость и властность. Злость на себя – за то, что позволила этому случиться, за то, что оказалась в такой унижительной ситуации.

Но эта злость, как ни странно, не давала мне окончательно расклеиться. Она была как яд, который одновременно и отравлял, и придавал сил. Каждая новая улика, каждый его фальшивый взгляд, каждое «задержание на работе» только укрепляли во мне решимость. Я не позволю им растоптать меня. Я вырвусь. Ради себя. Ради Миши.

В один из таких вечеров Дима снова «задержался». Миша уже спал. Я сидела в гостиной, пытаюсь читать, но строчки расплывались перед глазами. Из спальни, куда он забежал на минуту перед своим «срочным отъездом», донесся звук уведомления. Его телефон. Он забыл его на тумбочке.

Сердце заколотилось. Я знала, что нельзя. Что это низко, неправильно. Но я не смогла удержаться. Подошла, взяла телефон. Экран загорелся от прикосновения. И там, на заблокированном экране, светилось сообщение от контакта «И.М.♥#»: «Жду не дождусь нашей ночи, мой тигрррррр ##».

«Тигрррррр»?! Меня чуть не стошнило. Я бросила телефон на кровать, словно он был раскаленным. Руки дрожали. Это было уже слишком. Это было за гранью.

Я посмотрела на свое отражение в темном экране выключенного телевизора. Усталая, измученная женщина с потухшими глазами. И в этот момент что-то внутри меня окончательно сломалось. Или, наоборот, собралось в тугую, звенящий комок решимости.

Хватит! Хватит этой лжи, этого унижения, этой бесконечной пытки. Я больше не буду это терпеть! Я должна что-то сделать. Не для него. Не для них. Для себя. Прямо сейчас. Мне нужно было развеяться, вырваться из этих четырех стен, пропитанных ложью и предательством. Мне нужен был глоток свежего воздуха.

Я схватила свою сумку, ключи и вылетела из квартиры, не думая, куда иду. Главное – прочь отсюда. Прочь от этой двойной жизни, от этой липкой паутины, в которой я запуталась. Пусть хоть на один вечер.

Глава 10: Коктейль и новое знакомство

Сообщение на экране Диминого телефона – «Жду не дожусь нашей ночи, мой тигрррррррррр ##» от «И.М.♥#» – стало той последней каплей, которая переполнила чашу моего ангельского терпения. Или, скорее, тем детонатором, который взорвал внутри меня все остатки смирения и надежды на чудо.

Тигр? Мой Дима – тигр? Да он скорее напоминал облезлого кота, который нагадил в тапки и теперь пытается сделать вид, что это не он!

Меня затрясло. Не от холода, а от всепоглощающей, ядовитой ярости, смешанной с таким горьким отчаянием, что на мгновение перехватило дыхание. Я больше не могла находиться в этой квартире, пропитанной его ложью, его предательством, его... тигриными похождениями к пятидесятилетней Клеопатре.

– Вика! – я почти прорычала в трубку, когда подруга наконец ответила. – Я сейчас либо кого-нибудь убью, либо сойду с ума! Срочно! Мне нужно... мне нужно выпить! Или станцевать на барной стойке! Или и то, и другое!

– Опаньки! – в голосе Вики прозвучали боевые нотки. – Кажется, наш пациент наконец-то дозрел до шоковой терапии! Диктуй координаты, моя милая, или встречаемся на нашем обычном «поле боя» через час? Сегодня пятница, город гудит, и мы с тобой тоже погудим! Устроим сеанс экстренной детоксикации от козлов и их замашек!

Через час я, наскоро покрашенная (поярче, чем обычно, назло всем Дима и Изольдам этого мира!), втиснутая в джинсы, которые не носила со времен до Мишки, и в легкомысленной блузке, которую Вика когда-то заставила меня купить («для особых случаев, когда захочется почувствовать себя женщиной, а не посудомойкой!»), стояла перед зеркалом.

Из него на меня смотрела незнакомая, взъерошенная особа с лихорадочным блеском в глазах. Что ж, для сеанса экстренной детоксикации – самое то.

Мы встретились с Викой в модном баре «Шейкер», где громкая музыка заглушала мысли, а полумрак скрывал следы бессонных ночей. Вика, как всегда сногшибательная в своем панковско-гламурном стиле, тут же заказала нам по «Сексу на пляже».

– Для начала, – подмигнула она. – А там посмотрим, куда нас кривая вывезет. Ну, рассказывай, что на этот раз учудил твой похотливый муженек?

Под шум музыки и звон бокалов я вывалила ей историю про «тигра» и его пламенную переписку. Вика слушала, и ее лицо из сочувствующего постепенно превращалось в разъяренное.

– Да он просто... он просто эталонный экземпляр мудака! – вынесла она вердикт, залпом осушив свой коктейль. – Слушай, Еська, хватит уже убиваться из-за этого недоразумения на ножках! Ты молодая, красивая, умная! Посмотри вокруг – сколько нормальных мужиков! А ты все этого своего «тигrrrrrrра» оплакиваешь! Давай лучше еще по одной, и будем высматривать кого-нибудь посимпатичнее. Просто для поднятия самооценки!

Я сначала отнекивалась, чувствуя себя не в своей тарелке. Давно я не была в таких местах, давно не чувствовала на себе мужских взглядов, не флиртовала... Но Вика была неумолима, а второй коктейль сделал свое дело – мир вокруг стал немного ярче, а проблемы – чуть-чуть дальше.

И тут, когда Вика «буквально на минуточку» отошла к бару за очередной порцией «лекарства», это случилось. За нашим столиком вдруг материализовался ОН.

Высокий, темноволосый, с легкой щетиной и такими глазами – карими, с чертовщинкой, – что у меня на мгновение перехватило дыхание. В руках он держал фотоаппарат.

– Прошу прощения, если напугал, – улыбнулся он, и от его улыбки стало как-то теплее.
– Я Леон. Фотограф. И я не мог не заметить вашу улыбку. Она очень... настоящая. Можно я сделаю пару кадров? Чисто для себя. Обещаю не публиковать без вашего разрешения.

Я растерялась. Комплимент был таким неожиданным и... приятным. Я не привыкла к комплиментам в последнее время.

– Есения, – пробормотала я, чувствуя, как краснеют щеки. – Насчет фото... я не знаю...

Тут вернулась Вика с двумя бокалами. Увидев Леона, она ничуть не удивилась.

– О, Леон! Какими судьбами? А это моя подруга Есения. Еся, это Леон, мой давний знакомый, и, по совместительству, лучший фотограф этого города.

«Давний знакомый», значит? Я метнула на Вику подозрительный взгляд, но она лишь невинно пожала плечами.

Разговор завязался как-то сам собой. Леон оказался невероятно легким и остроумным собеседником. Он рассказывал смешные истории со съемок, расспрашивал меня о работе (я, конечно, не стала вдаваться в подробности про Изольду, сказав лишь, что я кондитер), и я, к своему удивлению, смеялась. Смеялась так искренне и беззаботно, как не смеялась уже много месяцев.

Он не знал о моих проблемах, о Диме, об Изольде, и рядом с ним я чувствовала себя просто Есенией – привлекательной женщиной, которой делают комплименты и с которой интересно разговаривать.

Он все-таки сделал несколько моих фотографий, поймав момент, когда я хохотала над какой-то его шуткой. И когда он показал мне результат на экране своего фотоаппарата, я ахнула. С маленького дисплея на меня смотрела совершенно другая женщина – с горящими глазами, с открытой улыбкой, живая. Неужели это я?

Вечер пролетел незаметно. Когда мы с Викторией собрались уходить, Леон проводил нас до выхода.

– Есения, – сказал он, заглядывая мне в глаза. – Я был бы очень рад выпить с вами кофе как-нибудь. Без фотовспышек. Просто поговорить. Вот мой номер. Позвоните, если будет настроение.

Он протянул мне маленькую визитку. Я взяла ее, чувствуя, как пальцы слегка дрожат.

– Спасибо, Леон. Мне было очень приятно познакомиться.

По дороге домой я молчала, переваривая события вечера. В сумочке лежала его визитка. В ушах звучал его смех. А в душе... в душе было странное, смешанное чувство. Легкость. Приятное волнение. И одновременно – укол вины. Я ведь еще замужем. И Дима, какой бы он ни был «тигр», все еще мой муж.

Я вернулась в пустую квартиру. Дима еще не пришел со своих «тигриных» походов. Атмосфера дома, после шумного бара и смеха Леона, показалась еще более гнетущей, еще более невыносимой. Я подошла к зеркалу. Та женщина с фотографии – она все еще была там, в глубине моих глаз. Уставшая, да. Но с искоркой надежды.

«А может, это и есть тот самый шанс?» – подумала я, доставая визитку Леона. – «Может, не все еще потеряно? И можно начать жить для себя, а не для того, чтобы соответствовать чьим-то ожиданиям или терпеть чьи-то измены?»

Эта мысль, робкая, но настойчивая, впервые за долгое время заставила меня улыбнуться по-настоящему. И пусть завтра снова будет бой, сегодня я почувствовала вкус свободы. И он был пьянящим, как тот первый коктейль.

Глава 11: Решиться или не решиться?

Утро после «Шейкера» было странным. Голова слегка гудела от коктейлей, но мысли были на удивление ясными. Или, наоборот, приятно-туманными от воспоминаний о карих глазах Леона и его обезоруживающей улыбке.

Дима, вернувшийся под утро, когда я уже притворялась спящей на своем диванном плацдарме, ходил по квартире тише воды, ниже травы. Видимо, «тигриные» утехы отняли у него все силы, или он почувствовал неладное в моем вчерашнем демонстративном уходе.

Пару раз он попытался завести разговор, что-то вроде «Где ты была вчера так поздно?», но я лишь отмахивалась, ссылаясь на головную боль и нежелание общаться. Мои мысли были далеко от его жалких попыток изобразить ревнивого мужа.

Визитка Леона, маленькая карточка из плотного картона с лаконичным «Леон Ланской, фотограф» и номером телефона, жгла мне карман джинсов. Я доставала ее раз десять за утро, вертела в руках, словно это был какой-то магический артефакт, способный изменить мою жизнь. А может, так оно и было?

Внутренний диалог напоминал перетягивание каната.

Одна часть меня, та, что все еще была Есенией Иволгиной, замужней женщиной и матерью, кричала: «Ты с ума сошла?! Какой еще Леон?! У тебя муж, ребенок, куча проблем! Это неправильно, это легкомысленно, это... это предательство!».

А другая, проснувшаяся вчера вечером Еся, которой улыбались незнакомые мужчины и делали комплименты, шептала: «А что Дима? Он не предал? Он не растоптал все, что было между нами? Ты заслуживаешь хотя бы глотка свежего воздуха, хотя бы чашки кофе с человеком, который смотрит на тебя, а не сквозь тебя! Ты еще жива, Еся! Ты еще можешь быть счастливой!».

Несколько раз я брала в руки телефон, набирала первые цифры его номера и в панике сбрасывала. Страшно. А вдруг он не такой, каким показался? А вдруг это все просто игра? А вдруг...

Рабочий день в «Марципане» прошел под знаком этого внутреннего раздора. Изольда Марковна, видимо, еще не отошедшая от того, что ее тигр накануне вернулся домой позже обычного и, возможно, не в самом лучшем расположении духа, была особенно ядовита.

Ее придирки и колкости отскакивали от меня, как от тефлоновой сковородки. Мои мысли витали где-то далеко, в уютном полумраке вчерашнего бара, рядом с харизматичным фотографом. Я даже пару раз поймала себя на том, что улыбаюсь каким-то своим воспоминаниям, чем вызвала очередную волну плохо скрываемого бешенства у начальницы.

«Иволгина, вы сегодня витеаете в облаках! Если вам так нравится смотреть в потолок, может, поищите себе работу по специальности – например, маляром?!» – прошипела она, проходя мимо. Я лишь пожала плечами. Пусть шипит.

Вечером я позвонила Вике.

– Ну что, подруга? Полегчало? – бодро поинтересовалась она.

– Вик, я... я не знаю, что делать, – призналась я, теребя в руках визитку Леона. – Он... он классный. Но я...

– Так, Иволгина, без «но»! – рявкнула Вика. – Какое еще «но»?! Твой благоверный кувыркается со своей мумией, а ты будешь сидеть и страдать из-за моральных терзаний? Да плюнь ты на все! Леон – отличный парень! Я его сто лет знаю! Веселый, умный, не бабник, кстати. И давно один. Просто выпей с ним кофе! Это тебя ни к чему не обязывает! А там – видно будет. Хуже, чем сейчас, тебе уже точно не будет! Или ты хочешь до конца жизни пересаливать супы своему горе-лавеласу и слушать его вранье?

Слова Вики, как всегда прямые и безжалостные, попали в самую точку. Действительно, чего я боюсь? Хуже уже некуда. Дима своим поведением давно перечеркнул все наши «восемь лет брака». Он сам дал мне карт-бланш на новую жизнь.

Вечером Дима снова «задержался на работе». Вернулся поздно, пахнувший чужими духами и успехом (видимо, у Изольды все прошло удачно). Он даже не пытался ничего объяснять, просто прошел в свою спальню, буркнув что-то невразумительное. И это стало последней каплей. Его откровенное пренебрежение, его уверенность в собственной безнаказанности...

Я снова посмотрела на визитку Леона. Вспомнила его глаза, его улыбку, то давно забытое ощущение, когда ты нравишься мужчине, когда с тобой флиртуют, когда ты чувствуешь себя желанной. Хватит бояться! Хватит сомневаться! Я заслуживаю хотя бы этой маленькой радости – чашки кофе с приятным человеком.

Руки дрожали, сердце колотилось где-то в горле, но я набрала его номер. Гудки показались вечностью.

– Алло? – его голос, чуть хрипловатый, но такой узнаваемый.

– Леон? – я с трудом выдавила из себя. – Здравствуйте. Это Есения. Мы... мы познакомились вчера в «Шейкере».

На том конце провода наступила короткая пауза, а потом он радостно рассмеялся:

– Есения! Привет! Я очень рад, что ты позвонила! Честно говоря, я как раз думал о тебе и о твоей улыбке.

От его слов стало тепло и немного неловко.

– Вы... вы предлагали кофе, – пролепетала я, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

– Предложение в силе! И даже больше – я готов добавить к кофе самый вкусный в городе чизкейк, если ты скажешь «да». Когда тебе удобно? Завтра?

Мы договорились встретиться на следующий день после моей работы в маленькой кофейне недалеко от «Марципана».

Повесив трубку, я еще долго сидела, прижимая телефон к груди. Волнение, предвкушение, легкий страх и какой-то пьянящий адреналин бурлили в крови. Я сделала это. Я сделала первый шаг. И пусть я не знала, что ждет меня впереди, но впервые за долгое время на моем лице появилась настоящая, не вымученная улыбка.

Кажется, в моем личном рецепте жизни появился новый, интригующий ингредиент.

Глава 12: Чизкейк на двоих, или Осторожно, возможны чувства!

Весь следующий день на работе я чувствовала себя так, будто шла по канату над пропастью – с одной стороны манили воспоминания о предстоящем свидании с Леоном, с другой – нависала мрачная тень Изольды Марковны, которая, казалось, поставила себе целью отравить мне каждый вздох.

Но даже ее самые ядовитые замечания сегодня не достигали цели. Я была в своей собственной, маленькой, но очень уютной «бронированной» из предвкушения.

Перед уходом я заскочила в туалет, быстро подкрасила губы и взбила волосы, пытаясь придать им хоть какой-то объем после дня, проведенного под кондитерским колпаком. «Ну, Иволгина, – подмигнула я своему отражению, – не ударь в грязь лицом. Или в крем».

Леон уже ждал меня за столиком у окна в маленькой, уютной кофейне «Арабика», которую он выбрал. Не «Марципан», слава богу. Увидев меня, он поднялся навстречу, и его теплая, искренняя улыбка мгновенно сняла остатки моего мандража.

– Есения! Потрясающе выглядишь, – сказал он, и это прозвучало так естественно, без тени фальши или дежурного комплимента, что я невольно улыбнулась в ответ.

– Спасибо, Леон. Ты тоже... очень пунктуален.

Мы заказали кофе, и он, с серьезным видом знатока, выбрал для меня чизкейк «Нью-Йорк», тот самый, который обещал.

– Обязательно попробуй, – сказал он. – Я знаю здесь все десерты, но этот – мой фаворит. Надеюсь, тебе понравится, хотя после твоих кондитерских шедевров...

Разговор пошел легко и непринужденно, будто мы были старыми знакомыми. Леон рассказывал о своей работе фотографа – о забавных случаях на съемках, о путешествиях в поисках идеального кадра, о своей мечте когда-нибудь издать собственный фотоальбом.

Я, в свою очередь, делилась какими-то общими историями о кондитерском искусстве, стараясь обходить стороной скользкие темы «Марципана» и его владелицы. Мы смеялись, перебивали друг друга, находили неожиданные общие интересы в музыке и кино. Я давно не чувствовала себя такой легкой, такой... собой. Рядом с ним можно было не притворяться, не играть роль, не взвешивать каждое слово.

Он был удивительно внимательным собеседником. Задавал вопросы, слушал, не перебивая, смотрел так, будто ему действительно интересно то, что я говорю. И этот взгляд – прямой, чуть насмешливый, но невероятно теплый – заставлял мое сердце биться чуточку быстрее. Химия? О да, она определенно была. Густая, как самый лучший шоколадный ганаш.

В какой-то момент, когда мы обсуждали планы на будущее (он говорил о предстоящей выставке, я – неопределенно пожала плечами), он спросил:

– А ты, Есения? О чем мечтаешь ты, когда не колдуешь над своими невероятными тортами?

Я на мгновение замолчала. Мечтаю? Я так давно не позволяла себе мечтать о чем-то, кроме мира в собственном доме и спокойствия для сына.

– Знаешь, Леон, – начала я осторожно, ковыряя ложечкой остатки чизкейка, – у меня сейчас такой... непростой период в жизни. Переломный, можно сказать. Так что с мечтами пока сложно. Сначала нужно разобраться с реальностью.

Я не стала вдаваться в подробности, не стала жаловаться на Диму или Изольду. Не хотелось грузить его своими проблемами на первом же свидании. Но и врать, изображая беззаботную и свободную женщину, я не могла.

Он посмотрел на меня внимательно, без тени любопытства или осуждения.

– Понимаю, – кивнул он. – У всех бывают такие периоды. Главное – не терять себя в этой реальности. И если когда-нибудь захочешь поговорить или просто выпустить пар, я отличный слушатель. И неплохо разбираюсь в сортах кофе, которые помогают пережить сложные времена.

Его тактичность и это простое, но такое важное предложение поддержки тронули меня до глубины души. Дима в такой ситуации начал бы либо ныть, либо обвинять меня во всех смертных грехах. А Леон... он был другим. Совершенно другим.

Время пролетело незаметно. Когда мы вышли из кофейни, на город уже опустились сумерки.

– Мне было очень хорошо с тобой, Есения, – сказал Леон, останавливаясь у входа. – Я бы очень хотел увидеться снова. Может, прогуляемся в парке в выходные? Или сходим в кино?

Его глаза смотрели так открыто и с такой явной симпатией, что я почувствовала, как внутри что-то тает.

– Я... я была бы рада, – улыбнулась я.

Он проводил меня до остановки, и на прощание его рука на мгновение коснулась моей. Легкое, почти невесомое прикосновение, но оно обожгло меня, как разряд тока.

Всю дорогу домой я улыбалась, как глупышка, вспоминая его слова, его смех, его взгляд. Чувствовала себя окрыленной, будто за спиной выросли крылья. Но вместе с этой эйфорией подкрадывалась и тревога. Он такой... настоящий. А я? Я запуталась в своей лжи, в своем браке, в своих проблемах. Что будет дальше? Смогу ли я?

Я вошла в квартиру. Дима был дома, сидел на кухне, хмуро уставившись в телевизор. Контраст между его кислой физиономией и моим приподнятым настроением был огромен. Он бросил на меня косой взгляд, но ничего не сказал. А мне и не хотелось ничего говорить.

Я прошла в свою хрупкое убежище, все еще чувствуя на губах привкус кофе и чизкейка. И еще – чего-то нового, волнующего и очень-очень желанного. Это свидание было не просто мимолетным эпизодом. Это был глоток надежды.

Глава 13: Улыбка на миллион

После свидания с Леоном мир для меня словно обрел новые краски. Нет, проблемы никуда не делись: Дима все так же маячил по квартире живым укором и напоминанием о своем предательстве, а Изольда Марковна в «Марципане» продолжала свои попытки превратить мою жизнь в кондитерский ад.

Но теперь у меня появился маленький, но очень важный секрет, мое личное убежище от бурь – воспоминания о теплом вечере, аромате кофе, вкусе чизкейка и, главное, о карих глазах Леона, в которых я видела неподдельный интерес и симпатию.

Я стала чаще улыбаться. Просто так, своим мыслям. Ловила себя на том, что напеваю какую-то дурацкую мелодию, пока готовлю завтрак Мише (который, к слову, тоже заметил перемену в маме и стал менее капризным).

Я даже достала из шкафа давно забытые платья и стала чуть больше внимания уделять макияжу перед выходом из дома. Не для Димы, боже упаси. Для себя. И, может быть, чуточку для Леона, с которым мы теперь обменивались короткими, ничего не значащими, но такими приятными сообщениями.

«Как прошел день, кондитерская фея?» – писал он.

«Вся в шоколаде, как обычно ## А ты, повелитель линз и вспышек?» – отвечала я, и глупая улыбка не сходила с моего лица.

Дима, привыкший за последние недели либо к моим слезам и ярости, либо к ледяному презрению, не мог не заметить этих перемен. Сначала, кажется, он даже решил, что я «остыла» и готова пойти на попятную. Пару раз он даже попытался заговорить со мной подчеркнуто ласковым тоном, от которого у меня по коже бежали мурашки отвращения.

Но моя новая отстраненность, улыбки, адресованные явно не ему, и телефон, который я теперь частенько держала в руках, быстро сменили его недоумение на подозрительность.

– Что это ты такая сияющая сегодня, Иволгина? – съязвил он однажды утром, когда я, напевая, выбирала, какую блузку надеть. – Премии дали? Или новый рецепт эклеров при-
снился?

– Просто хорошее настроение, Димочка, – невинно ответила я, не глядя на него. – Бывает же такое, представляешь? Даже у жен, которым мужья изменяют с их начальницами.

Он нахмурился, но промолчал. Однако его взгляды становились все более внимательными, все более испытующими. Особенно когда я, увлекшись перепиской с Леоном, не замечала его присутствия и улыбалась экрану телефона.

– С кем это ты там так мило воркуешь? – не выдержал он однажды, когда я хихикнула над какой-то шуткой Леона. – Опять Вика свои сплетни рассказывает?

– А тебе какая разница, дорогой? – я оторвалась от телефона и посмотрела на него самым ангельским взглядом. – Ревнуешь, что ли? Неужели я все еще представляю для тебя какой-то интерес, кроме как объект для тирании и источник бытового комфорта?

Его лицо скривилось.

– Не носи чушь, – пробурчал он, но я видела, как в его глазах вспыхнул нехороший огонек. Ревность. Банальная, собственническая ревность. Он не мог смириться с мыслью, что я могу быть счастлива без него. Или, не дай бог, с кем-то другим. Его мужское эго, и так потрепанное моим недавним отпором в спальне, начинало подавать сигналы тревоги.

Однажды вечером я разговаривала по телефону с Леоном. Мы обсуждали какой-то новый фильм, смеялись, и я, увлекшись, не заметила, как Дима вошел в комнату. Он остановился в дверях, и я почувствовала его взгляд спиной. Резко обернувшись, я быстро свернула разговор:

– Ладно, Леон, мне пора. Созвонимся! Пока!

Повесив трубку, я встретила с тяжелым, подозрительным взглядом Димы.

– Леон? – переспросил он медленно, растягивая слова. – Что еще за Леон? Новый коллега по выпечке круассанов?

– Тебе какое дело? – я старалась говорить спокойно, хотя сердце забилося чаще. – Может, это мой новый поставщик французской муки. Или просто хороший человек, с которым приятно поболтать. В отличие от некоторых.

– Ты мне изменяешь, да? – выпалил он, и в его голосе прозвучали такие нотки обиженного собственника, что мне стало смешно. Он! Меня! Обвиняет в измене! После всего, что он сделал!

– Дима, не будь смешным, – я покачала головой. – Чтобы изменять, нужно сначала иметь мужа. А у меня его, кажется, уже давно нет. Есть только сосед по квартире, который очень любит изображать из себя жертву обстоятельств.

Он шагнул ко мне, лицо его исказилось от злости.

– Я все узнаю, Еся! Слышишь? Я узнаю, кто этот твой Леон! И если ты...

– Что «если я»? – я не отступила, глядя ему прямо в глаза. – Что ты мне сделаешь, Дима? Побежишь жаловаться Изольде Марковне? Или снова попытаешься «помириться» через постель? Не трать силы. И лучше займись своей личной жизнью, она у тебя, кажется, такая насыщенная.

Я развернулась и ушла в свою комнату, оставив его одного посреди гостиной, кипящего от злости и бессильной ревности. Я знала, что это только начало. Его подозрения будут расти. Он будет следить, контролировать, пытаться вывести меня на чистую воду.

Но, как ни странно, это меня уже не так пугало. Пусть. Пусть видит, что я не собираюсь вечно страдать и лить слезы. Пусть поймет, что его власть надо мной закончилась.

А улыбка... улыбка, кажется, окончательно поселилась на моем лице. И адресовалась она точно не ему.

Глава 14: Знакомьтесь, мой муж!

Второе свидание с Леоном была еще лучше первого. Мы гуляли по вечернему парку, шурша опавшими листьями, пили глинтвейн из бумажных стаканчиков и болтали обо всем на свете.

Я рассказывала ему смешные истории про Мишкины выходки, он – про свои попытки сфотографировать неуловимую городскую лису. С ним было так легко, так спокойно, будто я знала его сто лет. И каждый раз, когда наши взгляды встречались, по моей спине пробегали мурашки – приятные, волнующие.

Он проводил меня до самой квартиры. Мы стояли у старой, обшарпанной двери, и мне отчаянно не хотелось, чтобы этот вечер заканчивался.

– Спасибо за чудесную прогулку, Леон, – улыбнулась я. – Было очень... тепло.

– Это тебе спасибо, Есения, – он шагнул чуть ближе, и я почувствовала тонкий аромат его парфюма – что-то свежее, с нотками дерева и чего-то неуловимо-мужского. – С тобой время летит незаметно. Может... увидимся завтра?

Его голос был чуть хриплым, а взгляд – таким глубоким, что я на мгновение забыла, как дышать. Я знала, что сейчас должно произойти. Сердце заколотилось, как сумасшедшее. Я чуть прикрыла глаза, подаваясь ему навстречу...

И в этот самый момент, как в дурацком ситкоме, дверь нашей квартиры с грохотом распахнулась, и на пороге нарисовался Дима. В домашней футболке, трениках и с таким выражением лица, будто он застал меня не за почти-поцелуем с симпатичным мужчиной, а за попыткой продать Родину оптом и в розницу.

Все трое замерли. Наступила та самая оглушающая тишина, в которой слышно, как тараканы на кухне доедают остатки Диминого ужина.

Я увидела, как лицо Димы из удивленно-недоуменного мгновенно превращается в багрово-злое. Его глаза метали молнии, перебегая с меня на Леона и обратно. Леон же, напротив, сохранял олимпийское спокойствие, лишь чуть приподняв бровь и с легкой иронией разглядывая моего разъяренного супруга.

Я же чувствовала, как краска стыда и паники заливает мое лицо. Поймали. С поличным. Почти.

– А мы, кажется, гостей ждем? – проскрипел Дима, нарушая тишину. Голос его сочился ядом. – Или это новый поставщик французской муки решил доставить заказ лично на ночь глядя, дорогая?

Я судорожно сглотнула. Нужно было что-то сказать, как-то разрядить обстановку.

– Дима, это... это Леон, – пролепетала я, чувствуя себя полной идиоткой. – Леон, это мой... муж, Дмитрий.

Леон, не дрогнув и мускулом, протянул руку Диме.

– Очень приятно, – его голос звучал абсолютно спокойно, даже с легкой насмешкой. Дима демонстративно проигнорировал протянутую руку, скрестив свои на груди.

– А мне вот не очень, – процедил он, не сводя с Леона тяжелого взгляда. – Надеюсь, вы хорошо провели время, развлекая мою жену? Пока некоторые, между прочим, дома сидят, с ребенком, семью, так сказать, охраняют.

– Мы просто гуляли, Дмитрий, – так же невозмутимо ответил Леон. – И Есения, кажется, была не против.

«Есения»! То, как он произнес мое имя – мягко, с какой-то интимной теплотой, – действовало на Диму, как красная тряпка на быка.

– Есения – моя жена! – рявкнул он. – И я бы попросил вас, уважаемый... Леон... не забывать об этом! И не отнимать у нее время, которое она должна посвящать семье!

Я не выдержала.

– Дима, прекрати! – вмешалась я. – Ты ведешь себя... неадекватно!

– Я неадекватно?! – он развернулся ко мне, его лицо было в сантиметре от моего. – Это я неадекватно?! А ты, значит, адекватно себя ведешь, когда шляешься по ночам с первым встречным, пока твой муж и ребенок дома?!

Леон сделал шаг вперед, вставая между нами.

– Послушайте, Дмитрий, – начал он спокойно, но в его голосе появилась сталь. – Если у вас есть какие-то претензии к вашей жене, выясняйте их без меня. А оскорблять ее я вам не позволю.

– Ты еще будешь мне указывать?! – взвился Дима, но под спокойным, уверенным взглядом Леона как-то сдулся, ограничившись злобным сопением.

– Есения, был рад тебя видеть, – Леон повернулся ко мне, и его глаза смягчились. – Созвонимся.

Он бросил на Диму последний, холодный взгляд и, кивнув мне, спокойно спустился по лестнице.

Едва он только скрылся из виду, Дима набросился на меня с новой силой.

– Так вот кто этот твой таинственный Леон! – шипел он, брызжа слюной. – Я так и знал! Ты мне изменяешь! Прямо у меня под носом! В нашем доме! Тебе не стыдно?! А Миша?! Ты о Мише подумала?!

– А тебе не стыдно было, Дима, когда ты кувыркался с Изольдой в нашей постели?! – мой голос зазвенел от ярости. – Ты о Мише тогда подумал?! И прекрати орать, разбудишь ребенка! Я свободный человек, и буду общаться с тем, с кем считаю нужным! Особенно если этот человек, в отличие от тебя, относится ко мне с уважением!

Мы стояли друг напротив друга, как два разъяренных зверя, готовые вцепиться друг другу в глотку. Атмосфера в квартире накалилась до предела. Я видела, что он вне себя от ревности, от злости, от того, что его собственнический инстинкт был так грубо попран. Он понял, что я не шутила, что в моей жизни действительно появился кто-то другой.

Несмотря на весь стресс этой отвратительной сцены, где-то в глубине души я почувствовала укол злорадного удовлетворения. Получил, кобель? Увидел, что я не буду вечно сидеть у окна и ждать, пока ты нагуляешься?

«Ну вот, – подумала я, когда он, наконец, выдохся и, громко хлопнув дверью, ушел в свою спальню. – Теперь он знает. И что дальше? Станет только хуже. Гораздо хуже»

Но отступить я не собиралась. Наоборот. Эта сцена лишь укрепила меня в мысли, что я на правильном пути.

Глава 15: Тигрррр у чужой двери

После того как Дима, изрыгнув последние проклятия и обвинения, скрылся в своей спальне, я еще долго стояла посреди коридора, прислонившись спиной к холодной стене. Меня трясло. Не от страха перед его гневом – к этому я уже почти привыкла, – а от смеси унижения, омерзения и какой-то звенящей пустоты внутри.

Сцена на пороге, его искаженное ревностью лицо, его обвинения... и спокойный, чуть ироничный взгляд Леона. Как все это было грязно, как унижительно!

Я больше не могла оставаться здесь. Эта квартира, наспигованная ложью, злобой и его праведным гневом собственника, давила на меня, душила. Мне нужен был воздух. Мне нужен был... Леон. Единственный человек, рядом с которым я чувствовала себя не загнанной жертвой, а просто женщиной.

Позже тем же вечером набрала его номер.

– Леон? – голос был хриплым. – Прости, что так поздно... Я... мне нужно с тобой поговорить. То, что было у моей квартиры... это...

– Еся? Что случилось? У тебя все в порядке? – его голос мгновенно стал серьезным, обеспокоенным. – Он тебя не тронул?

– Нет, физически – нет, – выдавила я. – Но... я не могу здесь находиться. Я сейчас взорвусь.

– Где ты можешь встретиться? Я сейчас приеду. Только скажи, куда.

Мы встретились через пятнадцать минут в круглосуточной кофейне в паре кварталов от моего дома. Я сидела, кутаясь в пальто, хотя внутри все горело. Леон сел напротив, внимательно глядя мне в глаза.

– Рассказывай.

Я в общих чертах описала последовавший за его уходом скандал, не вдаваясь в подробности нашей с Димой предыстории, но давая понять, что его ревность перешла все границы.

– Он теперь будет следить за мной, Леон. Он не оставит меня в покое. Мне страшно возвращаться домой.

Леон помолчал, потом решительно сказал:

– Значит, ты не вернешься туда сегодня. Поедем ко мне. У меня безопасно. Сделаю тебе чай с мятой. Или виски. Что выберешь?

Я колебалась. Поехать к нему домой? После всего двух свиданий? Это казалось таким... неправильным, таким быстрым. Что подумает Дима, если узнает? Что подумаю я сама завтра утром?

Но мысль о возвращении в квартиру, где меня ждет разъяренный муж-предатель, была еще страшнее. И желание быть рядом с Леоном, почувствовать его защиту, его тепло, перевесило все сомнения.

– Поехали, – тихо сказала я, чувствуя, как по венам разливается смесь страха и запретного азарта.

Его квартира оказалась отражением его самого – стильная, немного богемная, с фотографиями на стенах, мягким светом и легким запахом хорошего кофе и чего-то еще, неуловимо-творческого. Здесь дышалось легче.

Напряжение, сковывавшее меня весь вечер, начало понемногу отступать.

Леон не обманул – он действительно заварил потрясающий чай с травами, укутал меня пледом и просто сидел рядом на диване, давая мне прийти в себя. Он не расспрашивал, не лез в душу, но я чувствовала его молчаливую поддержку.

Постепенно разговор возобновился, становясь все более личным. Я рассказывала о Мише, он – о своих родителях. Мы обнаруживали все больше точек соприкосновения, и физи-

ческое притяжение между нами нарастало с каждой минутой. Его рука «случайно» коснулась моей, когда он передавал мне чашку. Я не отдернула ее.

Он подвинулся ближе.

– Еся... – прошептал он, убирая прядь волос с моего лица. Его пальцы легко коснулись моей щеки, посылая по телу волну электричества. – Ты невероятная. Сильная, красивая, настоящая. И ты не заслуживаешь того, через что проходишь.

И потом он поцеловал меня. Глубоко, страстно, требовательно. И я ответила ему. Ответила всем накопившимся голодом по нежности, по настоящим чувствам, по мужскому вниманию, которого была лишена так долго. Я ответила, забыв про Диму, про Изольду, про все свои проблемы. Были только он, его губы, его руки, исследующие мое тело, и мое сердце, готовое выпрыгнуть из груди.

Поцелуи становились все жарче, дыхание сбивалось. Мы переместились с дивана на мягкий ковер перед камином (у него был декоративный камин!). Его руки скользнули под мою блузку, лаская кожу, вызывая дрожь по всему телу. Я расстегнула пуговицы на его рубашке, желая почувствовать его всего, без преград.

Страсть захлестнула нас обоих, отключая разум, оставляя только инстинкты, только желание быть ближе, слиться воедино. Он подхватил меня на руки, не разрывая поцелуя, и понес в сторону спальни... Я чувствовала себя живой, желанной, на пороге чего-то головокружительного...

И в этот самый момент, когда мир сузился до его объятий и биения наших сердец, тишину взорвал оглушительный грохот. Кто-то с яростью ломился во входную дверь. Удары были такими сильными, что зазвенели стекла в серванте. А потом раздался голос, искаженный от гнева, но такой до боли знакомый:

– Я знаю, что ты там, Есения! Выходи! Открой дверь, тварь, или я ее выломаю к чертовой матери!

Мы замерли. Страсть на наших лицах мгновенно сменилась ужасом. Мы смотрели друг на друга широко раскрытыми, паническими глазами. Д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.